

О том, что прошло

Наш земляк Иосиф Райхельгауз – народный артист России, один из самых востребованных режиссеров современного театра – давно живет и работает в Москве. В своей прозе, и особенно в автобиографической, опубликованной в нашем альманахе, он часто возвращается в свое одесское детство и юность, когда акации были большими, а папа и мама – молодыми...

Сегодня мы предлагаем фрагменты из книжки воспоминаний, которую написала мать Иосифа Фаина Иосифовна Райхельгауз. Она вышла в Москве и называется просто и доверительно: "О том, что прошло".

Ф. К.

Мое детство

В нашей семье было четверо детей, жили мы бедно.

Когда старшей сестре было 11 месяцев, мама заболела брюшным тифом. И тогда мамина сестра тетя Злата забрала Этьенку к себе. У тети Златы не было своих детей.

Как-то утром, проснувшись, она обнаружила у двери своего дома маленький комочек, завернутый в простынь, — это был мальчик. Так тетя Злата воспитывала двоих детей. Этьенка подружилась с этим мальчиком, и жили они, как брат с сестрой.

В 1943 г. он погиб под Минском.

Этя жила в хороших условиях, ей покупали красивые вещи, игрушки, а когда Этьенке исполнилось 12 лет, тетя Злата умерла от рака. И тогда родители забрали ее к себе.

Жизнь в нашем доме сильно отличалась от тех условий, в которых жила Этьенка у тети. Приходилось продавать кое-какие вещи, чтобы как-то накормить семью. Мы жили в одной маленькой комнатке, через стенку была колхозная маслобойка, которая работала круглосуточно.

Жители из соседних сел тоже привозили подсолнечные семечки, из которых делали масло. Гул был невыносимый. Теперь даже странно себе представить, как мы это все выдерживали, но тогда нам это казалось нормой — ведь мы не знали другой жизни. После войны во время сильного голода мы заходили в нашу маслобойку и ели макуху, это выжимки от семечек. И этим мы наедались.

После Эти родился мой брат Миша. Он рос сильным, красивым пар-

нем, закончил Харьковский машиностроительный техникум и работал мастером цеха на заводе.

В нашем колхозе была только семилетняя школа, и поэтому нам всем пришлось учиться в разных городах. Миша тянулся к техническим наукам, а вот грамматика у него хромала. Когда Миша писал письма домой, то наша мама выписывала слова, в которых Миша допускал ошибки. Мама это делала с полным орфографическим объяснением и правилами на данную тему, а затем высылала всю эту грамматику в письме Мише. Моя мама закончила гимназию. Она преподавала русский язык и литературу.

Отслужив армию, Миша должен был приехать домой, но началась война, и в первые дни войны он погиб. В это время Этя работала в школе педагогом и оттуда эвакуировалась, а я с младшей сестрой, мамой и папой эвакуировалась из нашего села. Мы ехали на подводе, запряженной двумя лошадьми, взяв с собой только самые необходимые вещи. Когда подвода уже тронулась, мама попросила немного подождать, чтобы проверить, хорошо ли она закрыла дверь нашего дома.

Когда на подводе мы проезжали мимо колхозного сада, я увидела дивную картину. Мне казалось, что колхозный сад никогда еще не был так красив. Низкорослые абрикосовые деревья клонились вниз, к земле, под тяжестью крупных спелых плодов. Эта картина просто завораживала меня. Мама, чтобы нас как-то отвлечь от грустных мыслей, по дороге, сидя на подводе, читала стихи Пушкина. Дорога была очень долгой. Недалеко от станции Армавир местные власти предложили нам оставить им подводу с лошадьми для уборки урожая, а нам — поехать эшелонам. Мы были очень довольны. Впоследствии выяснилось, что в этом эшелоне находились только коммунисты.

Это было 30 октября 1941 года. Мы ехали в открытой площадке более часа. Вдруг эшелон остановился, и никто ничего не понял. Позже стало ясно, что кто-то умышленно задерживает эшелон с людьми — ждали немецкие самолеты. Неожиданно налетели девять самолетов, казалось, что они просто над головами. Началась страшная бомбежка. Люди в ужасе выскакивали из поезда. Сначала выскочил папа, он снял меня и младшую сестричку Бронечку, затем маму, а сам лег под поезд. Повсюду слышались крики и плач. Когда немцы увидели, что люди выскакивают из поезда, то они начали строчить из пулеметов по каждому человеку. Мы с сестричкой лежали неподвижно, боялись дышать, кругом раздавались крики о помощи. Фашисты, решив, что они уже всех уничтожили, улетели.

Пред нами предстала страшная картина. Почти не было живых людей.

Мы с Бронечкой подбегали к каждому лежащему, стараясь узнать своих родителей. И вдруг мы их увидели...

Наша мама лежала лицом вверх, с рассеченной головой и оторванными ногами, а папа лежал мертвый, лицом вниз, рукой обняв маму. Впоследствии нам рассказали, что папа, увидев мертвую маму, подбежал к ней со словами: "Ой, убили мою Биночку", — обнял ее и тут же умер на месте. У него был разрыв сердца. С этого момента я себя уже не помню, я потеряла сознание на несколько часов, а когда очнулась, то на этом страшном месте была уже огромная братская могила.

Все это случилось недалеко от Армавира — станция Нескучная. Тут же выскочили из соседних вагонов мародеры и забрали все, что было у убитых в карманах, и все вещи, оставшиеся в поезде. Когда Бронечка рыдала над убитыми родителями, вдруг к нашему отцу подошел бандит-мародер в офицерской форме. Он залез к мертвому отцу в карман и вынул оттуда деньги и документы. А Бронечке он сказал: "Когда закончится война, тебе вернут эти деньги в г. Махачкале".

Как я уже раньше писала, я потеряла сознание и память, со временем она ко мне частично вернулась. Обо всем, что произошло, мне рассказала моя младшая сестра, мне тогда было 15 лет, а сестричке 12. Этим же эшелоном голодные, осиротевшие и совершенно подавленные, мы поехали куда глаза глядят. Мы попали в Узбекистан, где я собирала хлопок, а младшая сестричка работала прислугой. Она тогда была очень маленького роста, и на этих детских плечиках ей приходилось таскать в дом, где она служила, мешки с углем, а ночью Бронечка занималась. С раннего детства она мечтала стать педагогом — ее мечта осуществилась. После войны она закончила одесский университет, работала директором школы и преподавала историю.

Все это время мы разыскивали нашу старшую сестру Этю, писали письма в эвакупункты, но все было безрезультатно, а впоследствии оказалось, что она жила в 60-ти километрах от нас и работала там педагогом.

Все же жизнь бывает непредсказуемой. Совершенно случайно в поезде, следовавшем из Узбекистана в Казахстан, встретились двое мужчин. Один из них был наш хороший знакомый — приятель моих родителей. Он знал трагедию, которая произошла с нами. И в разговоре с приятелем рассказал ему, что у семьи Каршенбойм убили родителей, и остались две девочки, которые ищут свою старшую сестру. И тогда приятель удивленно воскликнул: "Это случайно не Этя Каршенбойм, учительница, очень симпатичная, хорошая девушка, она же разыскивает свою младшую сестру?!".

(Эте сказали, что я тоже погибла.) Эти двое мужчин были настолько потрясены этой историей, что оба выскочили из поезда на первой же остановке и дали две телеграммы — одну нам, другую Эте. Мы очень благодарны этим людям, они ускорили нашу встречу.

Как сейчас вижу эту картину перед собой. Узбеки оказались замечательными отзывчивыми людьми, к счастью, война их не коснулась. Узнав, что мы бежим на станцию (8 км) на встречу со старшей сестрой, они пошли всем селом за нами, разделить нашу радость. Они взяли с собой своих маленьких детей, и это было очень трогательно. Затем мы поехали в Казахстан. Этенка там работала учительницей.

Летом я работала в поле, а зимой мы пешком перегоняли скот за 100 км. Нас там было четыре человека: пастух и три доярки. На мою долю приходилось доить 13 коров, жизнь была нелегкой: зимой мы спали на соломе, часов, конечно, ни у кого тогда не было. Бывало, придешь доить коров, а они еще спят, оказывается, на дворе еще глубокая ночь...

А потом меня судьба забросила в город Чкалов, ныне Оренбург. Там я работала в эвакуогоспитале санитаркой. Это был специальный госпиталь для безногих солдат. Как сейчас помню этих молодых красивых ребят, которые читали стихи, писали домой письма, только боль в "ногах", которых уже не было, заставляла их страдать.

История Фани Шаргородской (моей самой любимой подружки)

У меня есть очень дорогой человек.

Это моя подруга Фаня Шаргородская. Мы выросли в одном колхозе, вместе закончили школу и мечтали стать врачами. Когда началась война, ее отец ушел на фронт, а Фанечка со своей семьей эвакуировались, но, отъехав совсем недалеко от дома, они попали в гетто.

Там Фанечка с двумя сестрами, пятилетним братиком и мамой ждали свою ужасную участь. Из этого лагеря живыми никто не выходил, об этом было всем известно, за порядком следил украинский полицай. Он был очень жестоким человеком, но ежедневно он выпускал одного человека в деревню, чтобы собрать какие-нибудь крохи для еды. Немецкий офицер влюбился в Фанечкину старшую сестру, она была очень красивая и умная девушка, он хотел на ней жениться и тем самым спасти ей жизнь. Маня (так звали сестру) была согласна только при условии, что он спасет всю семью. Но это, к сожалению, не было в его силах.

Перед расстрелом всех заставили раздеться догола.

Младшему Фаниному братику Бореньке (как я уже писала) было всего пять лет. Он считал, что если люди раздеваются, то они идут купаться. Ему все не терпелось: "Ну когда же мы уже пойдем купаться?!".

Фанина мама, тетя Дина, сошла с ума, а средняя сестричка Фридошка за один день вся поседела. И вот наступила очередь Фани пойти в деревню за едой. Когда она вернулась, этот украинский полицай ей говорит: "Только что расстреляли всю твою семью, а ты беги ко мне домой, моя жена тебя спрячет".

И так Фанечка поселилась в доме полицая. Жена хозяина Таня была очень добрая, отзывчивая женщина. В этой семье Фаню называли Женей. Но кто-то выдал немцам, что в доме прячут еврейскую девочку. Этой семье грозила смерть. Тогда Фанечка ночью одна пошла в другую деревню, ходить одной ночью ей было очень страшно. Она добралась до соседней деревни, где и осталась служить в одном доме. Новая хозяйка также ею была довольна.

Как ни странно, но местные жители очень хорошо относились к немцам. Здесь можно было торговать всем, пели в церковном хоре, вечером ходили на танцы. Немцы угощали женщин шоколадом и разными напитками. В 1944 году русские войска вошли в это село. Местные жители были очень недовольны появлением русских солдат. Их вполне устраивала жизнь при немцах.

Однажды в дом, где служила Фанечка, зашли два русских офицера. Когда хозяйка этого дома их увидела в окне, то она быстро завязала лоб мокрой тряпкой и легла на печку, отвернувшись к стене.

Фанечкиной же радости не было конца. Ведь пришли ее освободители. Она быстро с радостью стала им все подавать на стол. Хозяйка лежала на печи, ни с кем не разговаривала. Один из офицеров заметил: "Молодая хозяйюшка очень нам рада, а вот старшая очень недовольна". Боль о погибшей семье не давала Фанечке покоя. И она говорит офицеру: "Как жалко евреев, которых ни за что убивают в лагерях". А он ей тихо говорит: "Жалко, что не всех".

После войны Фанечка вернулась домой, закончила медучилище и много лет проработала хирургической медсестрой, а ее отец вернулся с фронта живым. До войны председателем нашего колхоза был Фабрикант. Воевал очень самоотверженно, стал полковником и, чтобы избежать плена, он расстелил свою шинель и застрелился. После войны председателем нашего колхоза стал отец Фани Шаргородской.

Сейчас у Фанечки очень хорошая семья, прекрасные дети и внуки. Она со всей своей семьей живет в Америке, мы с ней переписываемся, мне ее очень не хватает. Я очень хочу, чтобы вся ее семья была здорова и счастлива.

Мой дорогой Ленечка

Когда закончилась война, я приехала в свой колхоз.

Зашла в наш дом, а там живут совсем чужие люди. В доме была чужая мебель, а из наших вещей ничего не осталось. Я познакомилась с этими людьми, пообщалась, и они мне сказали, что до них здесь также жила другая семья. Эти люди мне не мешали, а через некоторое время они уехали из колхоза.

Я пошла работать на тракторный прицеп. Работа была очень тяжелая. Высокая сухая трава раздирала ноги до крови. Каждый вечер, возвращаясь с работы домой, я проходила мимо дома Райхельгаузов. Наш дом стоял от начала улицы третьим, а их седьмым. Они хорошо знали всю нашу семью и трагедию, случившуюся с нами.

У Райхельгаузов было два сына: старший, Леня — 1923 года рождения (мой будущий муж) — и младший, Гриша, 1928 года рождения, который впоследствии женился на моей младшей сестре Бронечке. В 1941 году Леня ушел на фронт, а Гриша эвакуировался с родителями.

Когда началась война, Грише было всего 13 лет. Год они пробыли в эвакуации, и вдруг в один из дней его поймали на улице, привели в военкомат и решили отправить на фронт. Прибежали родители с документами

и стали доказывать, что сыну только 14 лет, но комиссия решила, что он "выглядит на 18 лет", и ему пора в армию. Судьба была к Грише благосклонна. Он попал в пехоту, отважно воевал, дошел до Берлина, вернулся с многочисленными медалями и двумя орденами Славы. А Леня был танкистом, разведчиком, он тоже дошел до Берлина, расписался на Рейхстаге, вернулся с двумя орденами Славы, орденом Красной Звезды и многочисленными медалями. Забегая вперед, расскажу, как в мирное время, когда я встречалась с ветеранами, меня потрясали их рассказы о том, как самоотверженно воевал Леня. Эти два брата получили на войне различные ранения. Ленью трижды оперировали — делали трепанацию черепа. Бывали случаи после войны, когда он сам у себя ногтем вынимал из головы мелкие частицы осколков.

После взятия Берлина войска готовились к международным соревнованиям — гонки на мотоцикле. Леня прекрасно владел этим видом спорта. К финишу он пришел первым и ухитрился, проезжая перед трибуной, на которой стоял маршал Жуков, встать на ноги и отдать ему честь.

Сам маршал Жуков подарил Лене мотоцикл с именной серебряной табличкой. За победу на этих соревнованиях Ленью отпустили на несколько дней в отпуск к родителям домой.

Когда я, усталая, голодная, одинокая, возвращалась с работы домой, то родители Лени стояли на улице возле своего дома и ждали меня.

Единственным развлечением в колхозе был клуб, где молодежь танцевала под гармонию.

Иногда из района в клуб приезжала художественная самодеятельность. В один из таких вечеров село опустело — все пошло в клуб, а я одна сидела дома, не в чем пойти в клуб, да и настроения не было. И вот Ленина мама, проходя мимо моего дома, постучала в мое окно со словами: "Фанечка, пойдемте со мной в клуб, не сидите одна". И вот мы пошли в клуб. И надо же такому случиться! В этот же вечер Леня приехал в отпуск к родителям. Пришел домой — везде темно, только в клубе горели керосиновые лампы.

Леня зашел в клуб — красивый, высокий, стройный, с прекрасными белокурыми волосами и замечательными серыми глазами. Одним словом, настоящий принц. Все на него обратили внимание, и вдруг он подошел ко мне и пригласил танцевать. Позже, когда он уже был моим мужем, он мне рассказал, что это мама ему шепнула: "Пригласи Фанечку танцевать". Родители Лени очень обрадовались приезду сына и пригласили всех близких людей к себе домой. Я попыталась ускользнуть от них, но Леня меня

догнал и пригласил пойти к ним домой. Я ему обещала, что зайду позднее, но он сказал, что без меня не пойдет. В его доме меня встретили очень тепло, по-домашнему.

Леня от меня не отходил весь вечер. Потом, провожая меня домой, он попросил стать его невестой. Это было для меня неожиданно... Ему через три дня надо было возвращаться в свою часть.

Так как мы были знакомы до войны, то согласилась, но с одним условием: чтобы никто об этом не знал. А наутро счастливый Ленин отец нес сдавать молоко от своей коровы на ферму и всем, кто встречался ему на дороге, он говорил: "Фанечка уже наша". Через три дня Леня вернулся в Германию, где находилась его часть, а я работала в колхозе и ждала его. Так как Леня хорошо владел немецким языком, был отважным разведчиком — часто брал в плен "языков" — немцев, тут же переводил командирам все, что их интересовало. Бывали случаи, когда немецкие пленные принимали Леню за своего (немца) и с ненавистью ругали его на немецком языке, принимая его за предателя.

После окончания войны командование вызвало Леню. Ему предложили остаться работать в Берлине — преподавать мотоциклетное дело. А по сути, он должен был работать на советскую разведку. Ему дали двухкомнатную квартиру в Берлине. Он приобрел себе шкаф, тумбочку, кровать, стол с красивой скатертью и аккуратно повесил два костюма в шкаф. На тумбочке лежали часы с цепочкой — их тогда называли "цыбуля".

Итак, Леня приехал за мной в колхоз. 12 сентября 1946 года мы поженились. Весь колхоз гулял у нас на свадьбе. Все были бедные и, конечно, ни одного подарка не было, но и закуска была соответствующая тому времени. На столе было вино, зеленые яблоки и очень много подсолнечных семечек. Все пели, танцевали, было очень весело. Когда гости разошлись, под столом валялись объедки зеленых яблок и скорлупа от семечек.

После свадьбы Леня предложил мне уехать с ним в Германию. Он был уверен, что я соглашусь, но после всего пережитого я не могла слышать даже слово "немцы", и мы остались жить в колхозе. Леня работал шофером на грузовой машине, а я продолжала работать на тракторе. В колхозе мы прожили недолго. Однажды к нам в гости из Одессы приехал друг моих родителей. Увидев, как нам тяжело живется, он нам рассказал историю о том, что по соседству с ним в трехкомнатной квартире до войны жила еврейская семья. Во время войны они все погибли: отец и два сына погибли на фронте, а мать с тремя дочерьми погибли в гетто. Вселилась в одну комнату семья из трех человек, в другую комнату — грек по фами-

лии Макинас с русской женой Маней, а в третью комнату никто не хотел вселяться, так как она проходная. Нам ее предложили, и мы согласились.

Все жильцы этой трехкомнатной квартиры проходили через нашу комнату. Сам Макинас был очень суровым человеком, он издевался над своей милой женой, но к нам очень хорошо относился и жалел нас.

12 июня 1947 года я родила сына Иосифа. Когда я лежала в роддоме (наша палата была на втором этаже), мы все были голодные. А когда после работы Леня приходил навещать нас в роддом, то, видя, что и он голодает, я отдавала ему свой черный хлеб, а ему говорила, что нам дают белый. На третий день женщина, которая рожала вместе со мной, подошла к окну и кричит Лене: "Не верьте ей, никакой белый хлеб нам не дают, она голодает".

Когда Иосиф был еще маленьким, Макинас работал в столовой, и каждый день приносил Иосеньке еду. Это были остатки недоеденной пищи. В одном бидончике был суп или борщ, а в другом второе. Иосенька стоял в кроватке, говорить еще не мог, но он так радовался, издавая восторженные звуки, тянулся ручками к этим бидончикам. Мы очень были благодарны Макинасу, он спасал ребенка от голода.

Однажды Леня встретил знакомого шофера, и тот предложил ему поехать на заработки в Магадан. Мы решили, что как только Леня устроится, он меня с ребенком вызовет туда. Но через год, когда мы с сыном собирались ехать в Магадан, Ленины родители меня стали отговаривать. Они аргументировали тем, что поскольку комната проходная, то ее кто-то сможет у нас забрать.

И так Леня проработал в Магадане три года. Я этим временем закончила курсы секретаря-машинистки и пошла работать в энергоуправление, а сыночка сдала в детский садик. Иосенька был беспокойный ребенок,

Мама и Иосиф

сложный, но с прекрасной душой. Буквально каждый день, когда я его забирала из детского садика, он мне обязательно давал кусочек хлеба или кусочек бублика. А когда он болел, и я прибегала во время обеда его покормить, то он мне говорил: "Мама, иди скорее на работу, чтобы ты не опоздала".

В 1954 году Леня вернулся из Магадана, жить стало немного легче, в июле 1955 года у нас родилась дочка Оленька...

